

DOI 10.31029/vestdnc82/6

УДК 94(47–67)

ЖЕНЩИНЫ ДАГЕСТАНА В РАННЕСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД: ПЕРВЫЕ ШАГИ В НАУКЕ

Г. Ш. Каймаразов, ORCID: 0000-0003-0333-7736

Л. Г. Каймаразова, ORCID: 0000-0002-1732-0049

Институт истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН

В статье с учетом современных взглядов на оценку гендерного потенциала российской науки на примере многонационального региона с сильным влиянием местных традиций и норм ислама освещен исторический опыт привлечения женщины к научной деятельности в раннесоветский период. С использованием принципов историзма и объективности, сравнительно-исторического, библиографического, описательного методов и причинно-следственного анализа на основе вовлеченных в научный оборот документальных данных и исследовательских наработок рассмотрены пути продвижения женщин Дагестана в науку, показаны изменения гендерных стереотипов в этой сфере в условиях советской модернизации.

The article covers the historical experience of engaging women in scientific activities in the early Soviet period taking into account modern views on the assessment of the gender potential of Russian science on the example of a multinational region with a strong influence of local traditions and norms of Islam. Using the principles of historicism and objectivity, comparative historical, bibliographic, descriptive methods and cause-and-effect analysis based on documentary data and research achievements involved in the scientific circulation, the ways of promoting women of Daghestan in science are considered, changes in gender stereotypes in this area are shown in the conditions of Soviet modernization.

Ключевые слова: женщины Дагестана, раннесоветский период, советская модернизация, наука, гендерные стереотипы.

Keywords: women of Daghestan, early Soviet period, Soviet modernization, science, gender stereotypes.

Проблема гендерного потенциала российской науки приобретает актуальное звучание, особенно в связи с тем, что 2021 г. был объявлен годом науки и технологий. В «Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2017–2022 годы», утвержденной правительством Российской Федерации в 2017 г., говорится, что, хотя российские женщины составляют значительную часть высококвалифицированных научных кадров, их научный и интеллектуальный потенциал используется не в полной мере [1].

Научная сфера – это область, в которой, пожалуй, наиболее зримо выражено гендерное неравенство. Оно проявляется практически на всех этапах научной карьеры женщины – от поступления в аспирантуру до оценки ее творческого вклада в науку, сказывается на материальном стимулировании и оценке профессионализма.

Обосновывая актуальность проблемы, обратимся к некоторым данным. После распада СССР, по подсчетам руководителя Центра гендерных исследований Института этнологии и антропологии РАН Н.Л. Пушкаревой, в 1992 г. женщины среди научных работников составляли 52,9% [2, с. 24]. Когда в начале 2000-х гг. численность научных работников в стране уменьшилась в 3 раза, женщины продолжали составлять более половины от их количества, причем в сфере гуманитарных наук эта величина достигла 63% [2, с. 24]. Таким образом, на тот момент можно было говорить об относительной феминизации российской науки, особенно гуманитарного направления. Но при этом следует учитывать, что на верхних ступенях научной иерархии доля женщин продолжала оставаться ничтожно малой (в 2010 г. она составляла 2,9%, а каждая пятая занятая в научной сфере женщина являлась лаборанткой) [2, с. 25]. При том что в России число женщин-исследовательниц заметно больше, чем в других странах (к слову, у исследователей есть на этот счет твердое мнение, что данный факт обусловлен традициями гендерного равенства, сложивши-

мися в советское время. – *Авт.*), все же в стране доля женщин, занятых исследованиями, меньше, чем доля мужчин. Продолжает сохраняться гендерный дисбаланс в соотношении численности среди наиболее квалифицированных научных кадров – докторов и кандидатов наук. Если в первое десятилетие XXI в. доля женщин среди исследователей, имеющих ученую степень кандидата наук, выполнявших научные исследования и разработки, увеличивалась, то начиная с 2015 по 2019 г. эта величина сохранялась на одном уровне: 42% женщин и 58% мужчин [3, с. 85]. Среди женщин – докторов наук за эти годы был отмечен рост: в 2000 г. 19% женщин и 81% мужчин, а в 2019 г. – 27% женщин и 73% мужчин [3, с. 85]. В 2019 г. женщин – докторов наук было меньше почти в три раза, чем мужчин, а женщин – кандидатов наук – на треть [4, с. 84]. В Российской академии наук доля женщин составляет 7% [4, с. 85]. Помимо этого женщины слабо представлены в органах управления наукой и высшей школой, поскольку в российской науке востребован мужской стиль управления [2].

Тема «женщины в науке» хоть и выглядит сегодня актуальной, но исследована она в отечественной историографии явно недостаточно. Еще в начале XX в. занятия наукой считались привилегией представителей мужского пола. Российское патриархально ориентированное общественное мнение отрицало необходимость женского участия в выработке научных знаний, считалось, что женщины, сделавшие выбор в пользу научной деятельности и рискнувшие порвать со стереотипами, наверняка утратят женственность и возможность выполнять традиционные семейные обязанности [5, с. 148]. Изменить эти гендерные стереотипы была призвана Российская революция 1917 г. Н.Л. Пушкарева справедливо считает, что возможность беспрепятственного вхождения в науку у российских женщин исторически появилась раньше, чем в европейских странах и США, так как уже в 1917–1920-х гг. Советским государством были приняты законодательные акты, утверждавшие равенство мужчин и женщин в выборе профессии [2, с. 24], а это открыло женщинам доступ к научной деятельности. Поскольку путь женщины в науку лежал через получение высшего образования, то в ряду этих актов определяющую роль сыграли декреты СНК РСФСР «О правилах приема в высшие учебные заведения» и «О некоторых изменениях в составе и устройстве государственных учебных и высших учебных заведений Российской Республики» (1918 г.). Женщина де-юре получила возможность «войти» в науку.

Уже в первое десятилетие советской власти, несмотря на бедственное положение науки в целом, в стране стала заметно разрастаться инфраструктура научных и научно-вспомогательных учреждений, и понятно, что они нуждались в кадровом обеспечении. Вовлечение женщин в научно-исследовательский процесс в эти годы отчасти обусловил фактор потерь мужского населения на фронтах Первой мировой и Гражданской войн, а также последовавших за кардинальным поворотом судьбы в истории России эмиграционными оттоками. Для полиэтничного Дагестана, где на протяжении всего раннесоветского периода сохранялись прочные позиции за местными традициями и нормами ислама, появившиеся перспективы научных занятий для женщин длительное время носили чисто формальный характер. Достаточно взглянуть на выводы некоторых наших исследований по проблемам гендерной и ее неотъемлемой части, женской истории, чтобы понять: регион, где подавляющее большинство женского населения было неграмотным, перспектива занятий наукой для женщин-горянок выглядела довольно призрачной. И все же в этой области, благодаря обнаруженным фактам, нам удалось зафиксировать определенные положительные сдвиги.

Проблема «Российская женщина в науке» стала все чаще привлекать внимание отечественных исследователей с конца XX в., но наибольшее число статей научного характера приходится, пожалуй, на первые десять лет XXI в. Предполагаем, что «всплеск» интереса к научной проблеме стал заметным после создания при президенте Российской Федерации Комиссии по вопросам женщин, семьи и демографии (1993 г.), а «пик» его пришелся на рубеж XX и XXI вв. Несмотря на упразднение комиссии в 2000 г., научный интерес к проблемам российских женщин, в том числе в науке,

сохраняется. Среди ученых, главным образом социологов и этнологов, практикующих на постсоветском пространстве бывшего СССР и обратившихся к этому аспекту «женской» истории, можно отметить О.А. Хасбулатову [6], Н.Л. Пушкареву [2, 5], Н.С. Агамову и А.Г. Аллахвердян [7], М.И. Мирошниченко [8], Е.А. Долгову и Е.А. Стрельцову [9] и др. Если говорить об историографии проблемы в интересующий нас период в географических рамках современного Дагестана, то обзор получится весьма условный.

Напомним, что основные принципы политики советской власти в области науки были связаны с ее нацеленностью на широкое развертывание исследований, максимальное использование природных богатств в интересах всех слоев общества, повышение материального благосостояния народа. Огромное значение новая власть придавала изучению исторического прошлого, самобытной материальной и духовной культуры народов, в том числе народов национальных районов страны. Обратим внимание и на такой факт: участие женщин в научной жизни разных регионов страны, как правило, начиналось в научно-составляющей краеведения [8, с. 34]. Оно было подготовлено определенными достижениями либерального женского движения в предшествующие советскому периоду исторического развития страны годы, чего, конечно, нельзя сказать о Дагестане, где проявившаяся женская активность в дореволюционный период и в годы революционных событий 1917 г., за редким исключением [10], не была связана с именами собственно женщин-дагестанок.

В первые десятилетия советской власти Дагестан не имел возможности собственными силами исследовать природные богатства края, изучать на уровне современного научного знания историю, культуру населяющих его народов. Научных работников, подготовленных для самостоятельного проведения серьезных исследований, практически не было. Поэтому приходилось прибегать к организации научных экспедиций, которые в новых условиях стали плановыми, осуществлялись преимущественно по инициативе местных органов власти, а результаты исследований использовались в хозяйственном и культурном развитии страны. В 1928 г. Институт дагестанской культуры (открыт в Махачкале в 1924 г. как Дагестанский научно-исследовательский институт) опубликовал сборник статей «Десять лет научных работ в Дагестане», в котором подводились итоги научных исследований, преимущественно экспедиционных, за 10 лет существования новой власти. Об этом издании подробно говорится в разделах коллективного исследования Института истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН «Социально-культурное развитие Дагестана в первой половине XX века: гендерный аспект», посвященных историографическому обзору по проблеме и выполненным Г.Ш. Каймаразовым, а также в части исследования с хронологическими рамками 1917–1920-е гг., авторство которого принадлежит М.Я. Мирзабекову. Отметим, что именно в этом учреждении, а затем – в педагогическом (открыт в 1931 г.), медицинском и сельскохозяйственном институтах (открыты в 1932 г.), закладывались и формировались местные традиции научных исследований. В первой половине 1930-х гг. были предприняты действенные шаги по подготовке научных кадров, и в 1920–1930-е гг. в республике появились научные работники, удостоенные ученых степеней и званий.

К сожалению, в первое советское двадцатилетие о вовлечении дагестанской горянки в активную научную деятельность говорить не приходится. И вовсе не потому, что ученые-историки и специалисты, писавшие о культурном строительстве в республике в 1930-е гг., не интересовались сюжетом «горянка в науке», а по той причине, что женщин-горянок в научных учреждениях Дагестана практически не было, несмотря на то что дагестанки уже в 1920-е гг. стали поступать в высшие профессиональные учебные заведения, а в 1930-е гг. в численности горянок, обучающихся как в дагестанских вузах, так и за пределами республики, был отмечен значительный рост. Однако специальная их подготовка в аспирантуре практически не осуществлялась. В научно-исследовательских учреждениях, опытных, селекционных станциях и лабораториях производственных организаций они выполняли подсобную работу под руководством опытных специали-

стов. Такое участие женщин-горянок в научной, поисковой деятельности научных учреждений и высших учебных заведений способствовало тому, что в последующие годы, особенно после окончания Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., девушки-дагестанки все чаще стали выезжать для обучения в аспирантуре научных институтов и вузов центральных и других городов страны.

Об определенном изменении роли дагестанских женщин в развитии науки можно говорить применительно к периоду Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Это было связано с тем, что часть дагестанских женщин, к концу 1930-х гг. получив высшее образование, обрела возможность заниматься наукой, и с тем, что потери в годы войны мужского населения в научной сфере вызвали необходимость переместить на освободившиеся места работавших в научно-исследовательских и научно-вспомогательных учреждениях женщин. Таким образом, процессы вовлечения женщин в науку, которые после Первой мировой и Гражданской войн наблюдались во многих районах страны, в Дагестане отчетливо проявились в годы Великой Отечественной войны и послевоенные годы.

Накопление исторических фактов, отражающих происходившие в военный и послевоенный периоды процессы, соответствующим образом изменило и степень освещенности проблемы в исторических исследованиях. Что же касается 1930-х гг., то в научных работах «всплывают» лишь единичные сведения, которые «с натяжкой» можно отнести к «вкладу в разработку проблемы».

История развития дагестанской науки в рассматриваемый период получила обстоятельное и достоверное освещение в обобщающих научных трудах [11, 12], в научных монографиях А.А. Абилова [13], Г.Ш. Каймарзова [14–16] и М.Я. Мирзабекова [17]. Авторы этих исследований не ставили задачи гендерного анализа проблемы, да и в силу изложенных выше обстоятельств им, с большой долей сомнения, удалось бы ее решить. История дагестанской науки в 1930-е гг. предстает перед читателями написанной с «мужских» позиций, и по факту это – «мужская» история, которая так же, как и «женская», является неотъемлемой частью гендерной истории. Правда, перед учеными, о которых мы говорили выше, стояли совершенно иные научные задачи, и в связи с этим в проведенных исследованиях ими были получены соответствующие результаты.

Отдельные факты «женской» истории по интересующему нас вопросу встречаются в работах А.И. Гасановой [18], С.Ш. Гаджиевой и А.Г. Мелешко [19], Р.А. Эльдаровой [20], но они касаются в большей мере путей продвижения дагестанских горянок в сфере образования, точнее, в деле получения ими высшего образования, за которым могло последовать вовлечение их в науку. Кстати, исследователи советской культуры и гендерной истории сходятся во мнении, что активное вовлечение женщин в сферу науки и высшей школы – это одна из отличительных особенностей развития советской науки [7, с. 326]. Интересно, что и А.И. Гасанова, и С.Ш. Гаджиева как раз стали яркими представителями женского научного сообщества, прошедшими именно такой путь – от учебы в педагогическом техникуме и педагогическом институте до руководства республиканским женским педагогическим вузом, от окончания аспирантуры до активной и плодотворной научной деятельности в Институте истории, языка и литературы им. Г. Цадасы Дагестанского филиала АН СССР (ныне – Институт истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН), того самого института, который открывался как первое научно-исследовательское учреждение в Дагестане.

Источниковую базу исследования по обозначенному в заглавии статьи аспекту проблемы составили архивные документы, извлеченные из фондов Центрального государственного архива РД (фонды 1-п – Дагестанский обком КПСС, 37-р – Дагестанский ЦИК, 352-р – Верховный совет ДАССР, 168-р – Совет Министров РД, 34-р – Министерство образования РД и др.). Один из авторов исследования входил в число составителей двух сборников документов: «Наука и высшая школа в Дагестане. 1918 – июнь 1941 гг.» (Махачкала, 2003) и «Институт истории, археологии и этнографии, Институт языка, литературы и искусства. 1924 – 2014 гг. К 90-летию со дня основания» (Махачкала, 2014). В собранных для документальных публикаций материалах есть данные об

участии женщин в научной работе. Ссылки в статье даются на опубликованные в названных изданиях архивные источники. Не обойден вниманием и первый том сборника документов «Культурное строительство в Дагестанской АССР. 1918 – июнь 1941 гг.», где мы также обнаружили интересные нас факты. При написании работы активно использовались материалы периодической печати, в частности газеты «Дагестанская правда».

Основываясь на принципах историзма и объективности, авторы статьи применяли сравнительно-исторический метод, позволяющий сделать ряд выводов по аналогиям, библиографический метод изучения документов, описательный метод, прибегали к причинно-следственному анализу между историческими событиями.

Хотелось бы обратить внимание и на такой момент, как классификация персонала, занятого в научной деятельности. В российской науке, в соответствии с научной практикой и обобщениями НИУ ВШЭ, выделяются четыре группы научных работников: исследователи, технический персонал – специалисты, вспомогательный персонал, прочий персонал [21, с. 7]. При написании настоящей статьи мы учитывали, что исследователи – это работники, профессионально занимающиеся исследованиями и разработками и непосредственно осуществляющие создание новых знаний, продуктов, процессов, методов и систем, а также управление указанными видами деятельности, и то, что исследователи обычно имеют законченное высшее образование [21, с. 7].

Итак, напоминая о том, что путь женщин в науку лежал через получение ими профессионального образования, и прийти в науку могли, прежде всего, те, кто обучался в высших учебных заведениях, мы обратились к списку студентов-вузовцев, которые учились в Москве, Петрограде и Саратове в 1923 г. В этом списке значились женские фамилии: О. Головина, М. Длуги, Поцхверова, Рашкуева, Т. Головина (видимо, именно о ней пойдет речь немного ниже), Т. Булач (Москва) [22, л. 152], Тимучиева (Москва), Катунская (Петроград) [25, с. 46–47]. в 1927/28 учебном году в вузах различных городов страны учились 70 женщин из Дагестана, в том числе 40 горянок. Так, в 1927 г. окончили Институт народного хозяйства им. Г. Плеханова Т. Булач, Дж. Казбекова, С. Бадирова, Х. Дибирова, П. Амирханова, ставшие затем известными работниками в различных отраслях народного хозяйства и культуры республики. В 1930 г., окончив нефтяной институт, стала первым инженером-нефтяником дагестанка Л. Мамедбекова и т.д.

С годами стала традицией организация встреч представителей руководства республики со студентами, обучающимися в столичных вузах. К примеру, газета «Дагестанская правда» информировала, что 3 января 1935 г. в Москве состоялось общее собрание студентов-дагестанцев, в котором принял участие первый секретарь Дагестанского обкома ВКП (б) Н. Самурский. На собрании прозвучал доклад заведующего отделом культурной пропаганды (культпропотдел) Ю. Шовкринского об итогах хозяйственного и культурного развития Дагестана за истекший год. В обсуждении доклада приняли участие студенты Мусаев, Хашаев, Микаилов, Султанов, лучшие стахановцы сельскохозяйственного производства республики, которые призывали студентов овладевать качественными знаниями. Те, в свою очередь торжественно пообещали по окончании учебы вернуться на работу в Дагестан [23, с. 1].

Еще в начале 1930-х гг. в республике открылись новые научно-исследовательские учреждения: Институт повышения квалификации работников народного образования (1930 г.), научно-исследовательские институты промышленности и сельского хозяйства (1931 г.), расширилась сфера деятельности Тропического института (открыт в 1927 г.), в разных районах и городах республики (Махачкала, Буйнакск, Дербент, Хасавюрт, Кизляр и др.) работали опытные станции и участки. Институт повышения квалификации работников народного образования, помимо своей основной задачи, занимался изучением и распространением передового опыта педагогической работы, оказывал помощь школам, районным и городским отделам народного образования. Отраслевые научно-исследовательские институт промышленности и сельского хозяйства должны были спо-

способствовать рациональной организации производства, повышению производительности труда, улучшению качества производимой продукции, снижению ее себестоимости и т.д.

О повышении эффективности научного изучения края свидетельствовал рост выпуска научной литературы: к 1931 г. в различных периодических изданиях вышло 420 научных работ о Дагестане [15, с. 185–186].

В ноябре 1932 г. Институт дагестанской культуры получил новое название – Научно-исследовательский институт национальных культур ДАССР. В задачи института входило регулирование всей научно-исследовательской работы, проводимой в республике. Важной задачей института была подготовка научных кадров.

Получить представление о деятельности женщин в Дагестанском научно-исследовательском институте национальных культур помогут отчеты. Так, в кратком отчете о деятельности гуманитарного отдела Института дагестанской культуры за период с 1 октября 1929 г. по 1 октября 1930 г. упоминается сотрудница Т.В. Андреева, которая осуществляла подбор материалов по истории феодализма в Дагестане [24, с. 178].

А в отчете о работе института за 1933 г., точнее в отчете о научно-исследовательской работе сектора педологии и педагогики, упомянута фамилия Т.Ф. Головиной, которая участвовала в переработке программы по политехнической трудовой подготовке для школ I ступени ДАССР. В области библиографии под руководством Б.М. Городецкого составителями В.А. Васильевой и И.С. Поповой была осуществлена работа «Гражданская война в Дагестане. Библиография газетного материала за 1917–1922 гг. (1128 названий)» [25, с. 203].

В отчете за первую половину 1935 г. в области литературы отмечалась работа Н.В. Федянцевой [25, с. 227]. Темами ее исследований являлись: «Женщина в советской поэзии Дагестана» и «Очерк истории литературного движения в Дагестане». А женским коллективом библиотеки, помимо обработки поступившей литературы, обслуживания читателей, выдачи справок и т.д., были организованы выставки, в том числе приуроченная к Международному женскому дню 8 Марта [25, с. 230].

В 1935 г. в Дагестанском научно-исследовательском институте национальных культур работало 12 научных сотрудников:

Глюняев Абдуллах Кучукович, директор, зав. сектором истории; образование: КУТВ (Коммунистический университет трудящихся Востока), аспирантура Северо-Кавказского исторического института; стаж научной работы 6 лет;

Городецкий Борис Митрофанович, ученый секретарь; образование: Санкт-Петербургский университет; стаж научной работы 35 лет;

Гаджибеков Гаджибек Ахмедович, зав. сектором языка; образование: Комвуз им. Свердлова, аспирантура Института Востока; стаж научной работы 7 лет;

Дьячков Павел Федорович, зав. сектором литературы; образование: Ленинградский университет, аспирантура Государственной академии искусств; стаж научной работы 5 лет;

Гаджиев Магомед Магомедович, научный сотрудник; образование: Дагестанский педагогический институт; стаж научной работы 3 года;

Абдулаев Саид, научный сотрудник; образование: Дагестанские педагогические курсы; стаж научной работы 3 года;

Тамай Абдулла, научный сотрудник; образование: Ленинградский институт Востока; стаж научной работы 6 лет;

Исаков Магомед, научный сотрудник; образование: КУТВ и два курса аспирантуры Северо-Кавказского исторического института; стаж научной работы 1 год;

Султанов Камиль, научный сотрудник; образование: Дербентский педагогический техникум, (позже он окончил и Московский институт философии, литературы и истории им. Н.Г. Чернышевского (МИФЛИ). – *Авт.*); стаж научной работы 2 года;

Федянцева Наталья Владимировна, научный сотрудник; образование: незаконченное высшее (Дагестанский педагогический институт); стаж научной работы 4 года;

Амирханова Фатимат [Ибрагимовна], научный сотрудник; образование: Азербайджанский государственный университет; стаж научной работы 5 лет;

Анзорова Юлия Игнатьевна, научный сотрудник; образование: неполный курс Московских высших курсов [25, с. 232].

Помимо Н. Федянцевой, Ф. Амирхановой и Ю. Анзоровой в институте работали женщины, входившие в состав вспомогательного, технического и прочего персонала. Это были работники библиотеки, машинистка и две уборщицы-рассыльные [25, с. 233–234].

По данным годового статистического отчета Института истории, языка и литературы (так институт стал называться с 1938 г.) за 1939 г., на 1 января 1940 г. в Дагестанском научно-исследовательском институте истории, языка и литературы женщин среди научных работников не числилось. Три женщины были среди научно-вспомогательного персонала и четыре в административно-управленческом аппарате [24, с. 229–230].

К сожалению, анализ оказавшихся в нашем распоряжении документальных материалов не позволил определить численность научных работников-женщин в других научно-исследовательских и опытных учреждениях, отчеты о деятельности которых были нами изучены. Речь идет о Научно-исследовательском институте народного образования (просвещения), Центральном архивном управлении ДАССР, Научно-исследовательском тропическом институте по борьбе с малярией, Центральной химико-бактериологической лаборатории (с 1934 г. – Санитарно-бактериологический институт), Дагестанском научно-исследовательском институте промышленности, Дагестанской опытной станции по животноводству, Дагестанской зональной опытной станции по виноградарству и овощеводству, Дагестанской опытной станции по плодоводству, Дагестанском протозоологическом опорном пункте, гидрометеорологической станции и др.

Но отдельные данные о работе женщин в этих учреждениях встретить можно. Так, в статье А. Тахо-Годи «Урахинцы на плоскости», напечатанной в журнале «Плановое хозяйство Дагестана» в 1929 г. [26], рассказывается о враче и научной сотруднице Тропического института, активно боровшейся с широко распространенной в Дагестане в 1920-е, да и в последующие годы, опасной болезнью – малярией. «Женщина-врач (к сожалению, ее фамилия в статье не упоминается. – *Авт.*) самоотверженно обходила всех тяжелых постельных больных, вспрыскивая хинин, камфару и раздавая хинин для приема, а научный сотрудник Тропического института (его фамилия тоже не называется. – *Авт.*), обследовал наличие комара в самом ауле» [26, с. 94].

Женщины упоминались в документах о деятельности Дагестанского научно-исследовательского института народного образования Наркомпроса ДАССР за 1935 г. Директором института в это время работала уже известная нам Т.Ф. Головина, сектором педагогики заведовал П.С. Венедиктов, сектором педологии – А.С. Алякринская, в учреждении трудились еще два научных работника Е.Я. Криштопа и Г. Велибеков. Сотрудники института работали по совместительству в нескольких местах – в Дагестанском научно-исследовательском институте национальных культур, в педагогическом институте, в школах, что существенно затрудняло их научную деятельность. Этим составители отчета объясняли, почему институт с 1934 г. не подготовил ни одной научной работы, за исключением работы А. Алякринской «Устная речь школьника 1-го класса» [25, с. 250–251]. Возможно, по этой причине в мае 1936 г. Совет Народных Комиссаров ДАССР принял решение о ликвидации Научно-исследовательского института народного образования и передачи его функций педагогическому институту. К вузу отошли материалы, рукописи, лабораторное оборудование, имущество, отпущенные на научно-исследовательскую работу средства [25, с. 257].

К началу 1934 г. в республике действовало 5 научно-исследовательских институтов и 17 опытных станций, в которых работало 135 научных сотрудников. Всего в научно-исследовательских и

научно-опытных станциях насчитывалось к этому времени 236 научных и научно-технических сотрудников [15, с. 136]. В это время стали предприниматься дальнейшие шаги по подготовке научных кадров. Дагестанцы проходили аспирантскую подготовку в Центральном научно-исследовательском педагогическом институте национальностей (Москва) и в Институте языка и мышления АН СССР (Ленинград). Все упоминаемые исследователями культуры фамилии принадлежат мужчинам. В самом институте национальных культур начали работать курсы по подготовке в аспирантуру, и в 1933 г. на них обучалось 16 человек [15, с. 187]. В 1938 г. институт после защиты кандидатской диссертации возглавил Р.М. Магомедов. В том же году, как мы писали, институт был переименован в научно-исследовательский институт истории, языка и литературы.

В 1936 г. на историческом факультете Дагестанского педагогического института училась Айшат Гасанова. Она была комсоргом курса. Это была первая даргинка из сел. Урахи, поступившая в советский вуз. Айшат Гасанова планировала после окончания института продолжить учебу и получить ученую степень. В 1936 г. в педагогическом институте обучалось 90 горняков.

В лаборатории научно-исследовательского института промышленности работала Фатъма Молачиханова. Являясь младшим научным сотрудником и специалистом в области неорганической химии, Фатъма изучала методику химической технологии по упрощению способа извлечения силикатов из природного сырья и работала над темой диссертационного исследования по использованию отходов йодо-бромного завода. В научно-исследовательском институте промышленности лаборанткой трудилась М. Талаева [27, с. 3].

К концу 1930-х гг. выросла численность сотрудников Тропического института: в нем работало 46 сотрудников, в том числе 12 научных [15, с. 189].

В 1936 г. в вузах республики насчитывалось 68 профессоров и доцентов, 94 преподавателя и ассистента. С 1936 по 1940 г. 26 работникам медицинского института были присуждены ученые степени доктора и кандидата наук [15, с. 188], а к началу войны 9 преподавателей сельскохозяйственного института защитили докторские и кандидатские диссертации [15, с. 188]. Среди преподавателей педагогического института абсолютное большинство составляли мужчины: Г.Ш. Каймаразов в своей монографии «Образование и наука в Дагестане в XX веке» называет только одну женскую фамилию – преподавательницы-химика Ф. Алибековой [15, с. 189].

Еще с 1923 г. в Дагестане работало научное медицинское общество, а с 1933 г. в Махачкале начала свою деятельность научная ассоциация врачей. Среди представителей медицинской науки, членов общества (ассоциации) были и женщины. За 1933–1934 гг. ассоциация провела 15 заседаний, где прозвучало 41 выступление, в том числе 29 докладов, половина из которых была посвящена борьбе с малярией. На различных предприятиях Махачкалы членами ассоциации было прочитано 16 научно-популярных лекций. В состав Бюро организации входили О.А. Байрашевский (председатель), Мавродиади, Смаковская, Шевченко, Бару, Максимова, З.Д. Штимберг, Н.А. Усачев, Герман, Лоренцо, С.Г. Аликберов, Миронова, Израилов, Д.И. Шейх-Али [28, с. 575–576].

Дагестанский медицинский институт по тем временам располагал внушительными научными силами. Среди руководителей кафедр были и профессора, и доценты. Семь профессоров имели степень докторов медицинских наук, пять профессоров были представлены к присвоению ученой степени, двое готовились к защите диссертаций. В 1936 г. медицинскому институту были отпущены средства на 11 научных командировок, в 1935 г. институтом было выполнено 60 научных работ [29, с. 4].

17 июля 1939 г. Указом Президиума Верховного Совета ДАССР за особые успехи в области науки и подготовки кадров грамотами Президиума Верховного Совета республики были награждены представители профессорско-преподавательского состава высших учебных заведений. Среди награжденных – Е.А. Бокарев, М.Г. Гамзатов, В.А. Ковалев, Шин Ден Юн (Дагестанский педагогический институт), И.М. Беренваум, Н.С. Воскресенский, М.С. Доброхотов, А.Н. Коновалов, А.В. Россов, Я.Г. Савицкий, Е.А. Шимановская, В.В. Акимцев (Дагестанский медицинский институт),

П.С. Головань, Г.П. Загородный, Н.А. Золотарев, П.П. Курлин, Г.С. Марченко, И.П. Павлов, И.М. Попов, А.М. Солдатов, И.М. Смирнов (Дагестанский сельскохозяйственный институт). В списке 21 фамилия и среди них – одна женская [25, с. 310].

В 1930-е гг. в Дагестане работали комплексные экспедиции, которыми руководили крупные ученые Академии наук и других научных организаций. Мы помним, какой вклад вносили подобные экспедиции в научное изучение Дагестана в 1920-е гг. Среди имен участников экспедиций мы встречали и женские, правда, как правило, это были не дагестанские фамилии. Например, в 1924 г. в Лакском округе работала этнографическая экспедиция, в которой участвовали Измайлова и Бурькина, в составе участников экспедиции 1926 г. в Дидое упоминаются Л.Э. Каруновская, К.Г. Данилина. К.Г. Данилина также собирала материалы по Самурскому, Даргинскому и Кюринскому округам. Л.Э. Каруновская, согласно официальным данным, в 1926 г. входила в число десятка исследовательниц структур исторического профиля Академии наук СССР и занимала скромную должность научного сотрудника [30, с. 55]. В работе экспедиций участвовали женщина-художница Измайлова, фотограф Спаская [25, с. 88–92], преподаватель музыкального техникума Е.А. Юдина [25, с. 97].

В 1930-е гг., к примеру, в работе лингвистических экспедиций принимали участие академик Н. Марр, И. Мещанинов (изучали бесписьменные языки), профессор А. Генко (табасаранский, лезгинский языки), профессор С. Быховская (даргинский язык), профессор А. Дмитриев и доцент Н. Баскаков (ногайский), а также Р. Шаумян (агульский язык), Н. Яковлев и Е. и А. Бокаревы (языки дидойцев), С. Быховская (кайтагское наречие даргинского языка), А. Генко (цахурский и рутульский языки). Темы, выполнявшиеся участниками лингвистических экспедиций (профессора Л. Жирков, С. Быховская, А. Генко и др.), включались в план научно-исследовательской работы Института национальных культур.

По данным переписи 1939 г., в Дагестанской АССР высшее образование имели 2781 человек, в том числе 2077 мужчин и 704 женщины [31, с. 51]. К 1 января 1941 г. численность научных и научно-исследовательских работников научных учреждений и вузов Дагестана составила 282 человека [15, с. 189].

Итак, в рассматриваемый период Советское государство осуществляло реальные шаги в политике по вовлечению женщин в социально-экономическую, общественно-политическую, социально-культурную жизнь, в том числе по расширению возможностей для участия женщин в научной деятельности. Первые результаты осуществляемых мероприятий стали заметны и в многонациональном Дагестане, регионе, имевшем свои особенности, население которого хранило верность местным традициям и находилось под сильным влиянием ислама.

Во втором десятилетии раннесоветского периода женщины Дагестана стали делать первые, пока скромные, но реальные шаги на научном поприще, что было обусловлено меняющимися гендерными стереотипами в условиях советской модернизации. Число женщин в науке Дагестана было ничтожно мало, но все же они, наравне с коллегами-мужчинами, участвовали в работе экспедиций, занимались подготовкой научных и учебных изданий.

В 1930-е гг. в Дагестане, где региональная наука находилась на этапе становления, стали намечаться некоторые гендерные стереотипы в научной специализации по принципу «мужские», «женские» «нейтральные». «Мужскими» однозначно становились точные науки, а за женщинами закреплялись педагогика, филология, литература, искусствоведение. К «нейтральным» можно отнести этнографию, а позднее медицину и экономику. Конечно, это разделение весьма условно и складывалось в соответствии с региональными, общероссийскими, да и мировыми, культурными стереотипами.

Преодолению гендерного дисбаланса в научной сфере в наши дни должны поспособствовать научные исследования в этой области, особенно появившиеся в региональной исторической науке

и относящиеся к тому этапу, когда женщина делала свои первые шаги в общественной деятельности, в преодолении неграмотности и получении доступа к широкому образованию, в том числе профессиональному высшему, в подготовке квалифицированных кадров, в выработке нового научного знания.

Статья подготовлена в рамках планового научного исследования коллективной темы «Гендерный аспект социально-культурного развития Дагестана в первой половине XX века» Института истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН.

ЛИТЕРАТУРА

1. Национальная стратегия действия в интересах женщин на 2017–2022 годы : утв. распоряжением Правительства Рос. Федерации от 8 марта 2017 г. № 410-р. URL: <http://government.ru/docs/26698/> (дата обращения: 15.08.2021).
2. *Пушкарёва Н.Л.* Женщины в российской науке конца XX – начала XXI века: обобщение количественных характеристик // *Женщина в российском обществе.* 2010. № 3 (56). С. 24–35.
3. Женщины и мужчины России. 2020 : статистический сборник. М.: Росстат, 2020. 239 с.
4. *Доброхлеб В.Г.* Женщины в российской науке как потенциал ее развития // *Женщина в российском обществе.* 2021. № 2. С. 80–89.
5. *Пушкарёва Н.Л.* Из небытия: женские имена в российской науке начала XX в. // *Научные ведомости.* 2010. № 1 (72). Вып. 13. С. 143–149.
6. *Хасбулатова О.А.* Профессиональное образование мужчин и женщин в России. 1918–2015 гг.: историко-социологический анализ // *Женщина в российском обществе.* 2015. № 3/4 (76/77). С. 3–16.
7. *Агамова Н.С., Аллахвердян А.Г.* Кадровый состав научно-образовательной сферы: гендерный анализ // Советское общество: идеи, результаты и оценки : материалы Всероссийской научной конференции. Москва, 7 – 8 ноября 2016 г. / под ред. *А.Б. Ананченко.* М.: МПГУ, 2017. С. 322–329.
8. *Мирошниченко М.И.* Женщины в науке Урала в 1920-е гг. // *Вестник ЮУрГУ.* 2011. № 9(226). С. 34–37.
9. *Долгова Е.А., Стрельцова Е.А.* «Добро пожаловать в клуб»: положение женщин в советской науке 1920-х годов // *Социологические исследования.* 2019. № 12. С. 97–107.
10. *Атаева П.А.* Жемчужина революции – Тату Булач // *Женская активность: история и современность : материалы Международной научно-практической конференции / под ред. С.В. Сиражудиновой, О.С. Мутиевой.* Махачкала: АЛЕФ, ДГУНХ, 2021. С. 184–187.
11. *История Дагестана: в 4 т. Т. 3. 1917–1945.* М.: Наука, 1968. 426 с.
12. *История Дагестана с древнейших времен до наших дней: в 2 т. Т. 2. XX век.* Махачкала: Юпитер, 2005. 657 с.
13. *Абилов А.А.* Очерки советской культуры народов Дагестана. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1959. 267 с.
14. *Каймаразов Г.Ш.* Очерки истории культуры народов Дагестана. От времени присоединения к России до наших дней. М.: Наука, 1971. 475 с.
15. *Каймаразов Г.Ш.* Образование и наука в Дагестане в XX в. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 2007. 463 с.
16. *Каймаразов Г.Ш.* Россия и прогресс культуры народов Дагестана. Конец XIX – 30-е годы XX в. Махачкала: ИП Овчинников, 2008. 374 с.
17. *Мирзабеков М.Я.* Модернизационные процессы в культуре народов Дагестана (90-е годы XIX – 30-е годы XX в.). Махачкала: ДНЦ РАН, 2010. 353 с.
18. *Гасанова А.И.* Раскрепощение женщины-горянки в Дагестане (1920–1940 гг.). Махачкала: Тип. Дагестанского филиала АН СССР, 1963. 157 с.
19. *Гаджиева С.Ш., Мелешко А.Г.* Женщины Советского Дагестана. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1960. 144 с.
20. *Эльдарова Р.А.* Женщины страны гор. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1960. 25 с.

-
-
21. *Перова М.Б.* Гендерное неравенство в науке // Социальные и экономические системы. 2020. № 4(6). С. 5–19.
 22. Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД). Ф. 1525-р. Оп. 1. Д. 11.
 23. Собрание студентов-дагестанцев в Москве // Дагестанская правда. 1936. 8 янв.
 24. Институт истории, археологии и этнографии, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы. 1924–2014: к 90-летию со дня основания: документы и материалы / сост. *Л.Г. Каймаразова, Ю.М. Лысенко, Н.Д. Чекулаев*. Махачкала: Наука – Дагестан, 2014. 409 с.
 25. Наука и высшая школа в Дагестане. Документы и материалы. 1918 – июнь 1941 гг. Т. I / сост. *М.М. Амирханова, Л.Г. Каймаразова*. Махачкала: Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, 2003. 408 с.
 26. *Тахо-Годи А.* Урахинцы на плоскости // Плановое хозяйство Дагестана. 1929. № 9–10. С. 90–96.
 27. *Карский Н.* Горянки в вузах, втузах // Дагестанская правда. 1936. 8 марта.
 28. Культурное строительство в Дагестанской АССР : сб. документов. Т. I. 1918 – июнь 1941 гг. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1980. 766 с.
 29. *Литовченко А.* В медицинском институте // Дагестанская правда. 1936. 16 мая.
 30. *Метель О.В.* Женщины-ученые в пространстве советской академической исторической науки 20–30-х годов XX века // Учен. зап. Казанского университета. Сер. гуманитарные науки. 2021. Т. 163. Кн. 3. С. 55–56.
 31. Всесоюзная перепись населения 1939 года: основные итоги / под ред. *Ю.А. Полякова*. М.: Наука, 1992. 256 с.

*Поступила в редакцию 18.08.2021 г.
Принята к печати 24.09.2021 г.*